

РОЛЬ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ПОСТРОЕНИИ НАУЧНЫХ ДОКЛАДОВ

Бурханова Гулрух Садриддиновна,

преподаватель кафедры русского языка и литературы

Самаркандского государственного педагогического института;

Нуриддинова Дилбар Косимовна,

студентка 3 курса факультета языков

Самаркандского государственного педагогического института.

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье исследуется функциональная нагрузка базовых морфологических категорий русского языка (рода, числа, падежа, времени, вида, лица, залога и наклонения) в процессе построения и восприятия устных и письменных научных докладов. На основе концептуального синтеза положений, разработанных в трудах В.В. Виноградова, А.А. Зализняка, А.М. Пешковского, А.В. Бондарко и М.Н. Кожиной, в работе демонстрируется, что выбор грамматических форм в научной речи не является стилистически нейтральным, но подчиняется строгим прагматическим и когнитивным задачам. Особое внимание уделяется анализу оппозиций, обладающих значительным научно-содержательным потенциалом: противопоставление категорий одушевленности и неодушевленности и падежная система как механизмы репрезентации субъектно-объектных отношений; видовременные формы глагола и категория модальности как инструменты темпоральной организации рассуждения и оценки достоверности утверждений; категории лица, числа и рода как средства реализации текстовых стратегий автора. Аргументируется тезис о том, что морфологический строй, функционируя в единстве системного, репрезентативного и коммуникативного уровней, выступает не просто

средством оформления мысли, но активным участником её порождения, определяя логическую связность, аргументативную убедительность и эпистемическую точность научного высказывания. Методология исследования базируется на принципах функциональной грамматики и коммуникативной стилистики с опорой на методы контекстуального и дискурсивного анализа. Статья адресована лингвистам, стилистам, преподавателям русского языка как родного и иностранного, а также всем, кто заинтересован в повышении эффективности научной коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: морфологические категории; научный доклад; научный стиль речи; русский язык; функциональная грамматика; коммуникативная стилистика; грамматическая семантика; глагольные категории; именные категории; научная коммуникация.

Abstract. This article investigates the functional load of the basic morphological categories of the Russian language (gender, number, case, tense, aspect, person, voice, and mood) in the process of constructing and perceiving oral and written scientific reports. Based on a conceptual synthesis of the propositions developed in the works of V.V. Vinogradov, A.A. Zaliznyak, A.M. Peshkovsky, A.V. Bondarko, and M.N. Kozhina, the paper demonstrates that the choice of grammatical forms in scientific speech is not stylistically neutral but is governed by strict pragmatic and cognitive tasks. Special attention is paid to the analysis of oppositions with significant scientific and substantive potential: the opposition of the categories of animacy and inanimacy and the case system as mechanisms for representing subject-object relations; tense-aspect forms of the verb and the category of mood as tools for the temporal organization of reasoning and the assessment of the reliability of statements; and the categories of person, number, and gender as means of implementing the author's textual strategies. It is argued that the morphological structure, functioning in the unity of systemic, representative, and

communicative levels, acts not merely as a means of formulating thought but as an active participant in its generation, determining the logical coherence, argumentative persuasiveness, and epistemic accuracy of a scientific utterance. The research methodology is based on the principles of functional grammar and communicative stylistics, relying on methods of contextual and discourse analysis. The article is addressed to linguists, stylists, teachers of Russian as a native and foreign language, and anyone interested in improving the effectiveness of scientific communication.

KEYWORDS: morphological categories; scientific report; scientific style of speech; Russian language; functional grammar; communicative stylistics; grammatical semantics; verbal categories; nominal categories; scientific communication.

Феномен научной коммуникации в его устной и письменной ипостасях издавна привлекает внимание исследователей, однако до сих пор многие её аспекты остаются недостаточно изученными. В частности, вопрос о роли морфологических категорий в построении научного доклада зачастую рассматривается фрагментарно – либо в рамках чисто стилистического подхода к научной речи, либо в аспекте сугубо грамматического описания, без должного учёта коммуникативных и когнитивных функций языковых единиц. Между тем именно морфология, эта, по удачному определению А.М. Пешковского,¹ «самая устойчивая часть языка», предоставляет говорящему и пишущему тот необходимый формальный каркас, без которого стройная, логически выверенная и аргументативно состоятельная научная мысль не может быть не только передана, но и полноценно сформулирована. Представляется, что морфологические категории русского языка – род, число, падеж, время, вид, наклонение, залог, лицо – функционируют в пространстве

¹ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2001.

научного доклада не как стилистически нейтральные и потому малозначимые элементы, а как мощный прагматический и когнитивный ресурс, определяющий самые разные стороны высказывания: от референциальной отнесённости и временной локализации описываемых событий до характера авторской модальности и степени обобщённости представленных положений. Цель настоящей работы заключается в том, чтобы на основе интеграции идей, выдвинутых в классических и современных лингвистических концепциях, продемонстрировать многообразие и значимость функций морфологических категорий в процессе порождения, структурирования и восприятия научного доклада как особого жанра научной речи.

Теоретической основой предпринимаемого исследования служат положения нескольких взаимодополняющих научных школ. Прежде всего это грамматическое учение о слове В.В. Виноградова,² который рассматривал части речи как лексико-грамматические классы слов, объединённые не только формальными, но и семантическими и синтаксическими признаками. Такой комплексный взгляд на природу грамматических категорий, где морфология неотделима от синтаксиса и лексической семантики, является принципиально важным для понимания того, как морфологические формы участвуют в выражении сложных научных смыслов. Не менее значимы идеи А.А. Зализняка, чей строгий формальный подход к описанию русской морфологии, воплощённый в фундаментальных трудах по именному словоизменению и в Грамматическом словаре, позволил выявить стройную систему правил и закономерностей, лежащих в основе функционирования словоизменительных категорий. Знаковую роль в разработке проблематики играет функциональная грамматика А.В. Бондарко, который предложил рассматривать грамматические явления не изолированно, а в их взаимодействии с

² Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1986.

лексическими и контекстуальными факторами, объединяя их в понятие функционально-семантических полей, и, что особенно важно, провёл чёткое разграничение между словоизменительными и деривационными морфологическими категориями. Ключевую роль для понимания специфики научного доклада как объекта лингвистического анализа играют труды М.Н. Кожиной, заложившей основы функциональной стилистики и детально описавшей языковые особенности научного стиля на всех уровнях системы, включая морфологический. И, наконец, в русле практической стилистики, разработанной Д.Э. Розенталем, мы опираемся на представления о том, что выбор грамматической формы является не произвольным, а стилистически маркированным актом, подчиняющимся задачам точности, ясности и уместности научной речи. Интеграция этих разноплановых, но взаимодополняющих подходов позволяет создать объёмную и многоаспектную картину функционирования морфологических категорий в специфических условиях научного доклада.

Пространство научного доклада, будь то устное выступление на конференции или опубликованный текст, задаёт особые экстралингвистические параметры коммуникации: письменная форма или подготовленная устная речь, одноканальность восприятия (в основном зрительная или слуховая), строго определённый темп подачи информации, асимметрия коммуникативных ролей (активный автор – преимущественно пассивные слушатели или читатели), нацеленность на трансляцию нового, объективного, верифицируемого знания. Эти факторы в совокупности формируют стилевые доминанты научного доклада, среди которых выделяются обобщённость, отвлечённость, подчёркнутая логичность, доказательность и беспристрастность. В свою очередь, морфологический строй русского языка, по мысли Г.И. Пановой, опирающейся на теорию А.В.

Бондарко,³ существует и может быть описан на трёх различных уровнях: уровне абстрактной грамматической системы (как набор чистых форм и правил), уровне репрезентации этой системы в лексически конкретных единицах языка (на уровне слова, где мы имеем дело со словоформами как единством морфологической формы и лексемы) и, наконец, на уровне функционирования в высказывании, где морфологические единицы, превращаясь в словоформы-синтаксемы, обретают конкретные, контекстно обусловленные значения. Именно на третьем, функциональном уровне и происходит то взаимодействие морфологии и стиля, которое составляет предмет нашего рассмотрения, когда абстрактная категория падежа, например, наполняется конкретным семантическим содержанием субъекта, объекта или атрибута в рамках научной аргументации.

Одними из наиболее значимых для научного доклада оказываются категории, связанные с репрезентацией предметов и понятий – категории одушевлённости / неодушевлённости и падежа. Категория одушевлённости в русском языке, выражающаяся в совпадении формы винительного падежа с родительным падежом у существительных-названий живых существ и с именительным – у названий неодушевлённых предметов, в жанре научного доклада претерпевает интересную семантическую трансформацию. Несмотря на то, что подавляющее большинство терминов, используемых в научной речи, (за исключением, пожалуй, биологических или медицинских таксонов) относится к неодушевлённым, само грамматическое противопоставление, вообще говоря, не является архисемантически значимым. Однако оно указывает на более фундаментальную особенность: тенденцию типизировать, овеществлять абстрактные понятия, то есть выражать их по модели неодушевлённых существительных. Иллюстрацией сказанному может

³ Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, 1976.

служить любое научное рассуждение, где такие абстрактные сущности, как «метод», «гипотеза», «результат» или «закономерность», ведут себя в синтаксисе как грамматически неодушевлённые объекты: исследователь подтверждает гипотезу (винительный падеж, совпадающий с именительным в варианте «гипотеза» и отличный от родительного: «нет гипотезы»). Тем самым происходит своего рода грамматическая метафора, где абстрактному приписываются свойства материального, осязаемого объекта, что способствует его восприятию как дискретной, доступной для прямого операционального воздействия единицы научного дискурса. Использование форм множественного числа тех же абстрактных имён также подчиняется этой логике опредмечивания: речь может идти не об отвлечённой субстанции, а о множестве конкретных «реализаций» или «случаев» («наблюдались различные типы взаимодействия», «были получены новые значения»).

Категория падежа, безусловно, представляет собой один из центральных механизмов, организующих научное высказывание на синтаксическом и смысловом уровнях. В русском языке, с его развитой системой падежного маркирования, каждая падежная форма привносит в высказывание специфическую семантику, активно используемую для выражения научных отношений. Именительный падеж выполняет, по преимуществу, номинативно-идентифицирующую функцию, оформляя субъект суждения или тему высказывания: «Данная статья посвящена...», «Целью проведённого исследования является...». Однако в определённых конструкциях именительный становится ключевым элементом рематического выделения, как в так называемых бытийных предложениях, где сообщается о существовании или наличии некоторого явления: «Существует корреляция между выявленными факторами». Генитив (родительный падеж) в научной речи играет уникальную роль, далеко выходящую за рамки простого указания на принадлежность.

Определительный родительный (родительный «признака») является основным средством выражения классификационных и атрибутивных отношений, позволяя создавать развёрнутые терминологические сочетания, такие как «анализ структуры образования (чего: именительного падежа?)» – что демонстрирует цепочку последовательного подчинения одного имени другому и обеспечивает возможность номинализации целых пропозиций, существенно повышая информационную плотность текста. Помимо этого, количественно-отделительный родительный используется для указания на часть от целого или на неопределённое количество, что является важным инструментом квантификации в науке («часть испытуемых», «ряд положений», «некоторое количество вещества»). Сходную роль играет родительный падеж при глаголах со значением достижения результата, где он оформляет объект, подлежащий партитивному охвату. Датив (дательный падеж) в научном докладе чаще всего маркирует адресата действия или субъекта, испытывающего определённое состояние, а в конструкциях с безличными предикатами и инфинитивами оформляет логический субъект долженствования или возможности, что напрямую связано с выражением модальности: «исследователю удалось установить», «предлагаемому подходу присущи следующие особенности». Аккузатив (винительный падеж), за немногими исключениями, является основным падежом прямого объекта, указывая на то, на что направлено действие, и тем самым играя ключевую роль в построении переходных конструкций, где активный субъект воздействует на объект исследования – классическая синтаксическая модель позитивистской науки: «автор рассматривает проблему», «метод позволяет уточнить результаты». Инструменталис (творительный падеж) обладает в научной речи широкой семантикой, включающей указание на орудие или средство действия («проанализировать материал с помощью предложенной методики»), образ или способ действия («распределить объекты по группам»), а также на

предикативный признак в составном сказуемом («основной задачей является разработка»). Творительный падеж также оформляет субъект при пассивных оборотах, позволяя сместить фокус внимания с деятеля на само действие и его результат. Наконец, предложный падеж (препозитив) почти исключительно выступает в роли локатива или медиатива, указывая на сферу, объект или тему мысли, речи или чувства, что делает его незаменимым в формулировках типа «в данной работе», «при рассмотрении вопроса», «о чём свидетельствуют полученные данные».

Именные категории числа и рода также обнаруживают в научном докладе специфические черты. Категория числа, противопоставляющая единственное и множественное число, во многом утрачивает здесь своё прямое количественное значение, приобретая символический характер. Формы единственного числа имён существительных, особенно абстрактных и вещественных, регулярно используются с обобщающим значением для обозначения всего класса однородных объектов или явления в целом: «речь идёт о знаке», «свойства газа описываются уравнением». Это так называемое «внесётное» или «системное» единственное число, которое служит знаком типизации, абстрагирования от конкретных экземпляров. И наоборот, форма множественного числа может использоваться не столько для обозначения множества отдельных объектов, сколько для указания на множество типов или разновидностей, а иногда – на престижность, сложность или масштаб обозначаемого явления: «языки мира», «интенсификация исследований», «могут возникнуть сложности». В научных докладах, описывающих результаты экспериментов, формы множественного числа могут сигнализировать о воспроизводимости наблюдений («были зафиксированы изменения») или о том, что полученный вывод действителен для некоторой группы, класса элементов («для данных элементов характерно...»). Категория рода в научном докладе лишена прямой номинативной функции, но её

значение проявляется в опосредованном действии через согласовательные связи, в первую очередь, через механизмы референции, особенно в ситуациях, когда требуется указать на автора предыдущего исследования или на самого докладчика.

Традиционное использование форм мужского рода для обозначения лица вне зависимости от его реального пола («автор приходит к выводу», «исследователь утверждает») постепенно пересматривается под влиянием практик инклюзивной коммуникации, однако в строгой академической среде это переосмысление идёт медленно. Формы женского рода закономерно используются тогда, когда речь идёт о конкретной исследовательнице и её пол известен из контекста или имеет значение для понимания её научной позиции. Такое согласование по роду при сквозной анафорической отсылке позволяет сохранять ясность референции на протяжении всего доклада, избегая неопределённых местоимений.

Если именные морфологические категории отвечают за статику – за построение предметного мира науки, то глагольные категории (время, вид, наклонение, залог, лицо) оказываются ответственными за динамику, за развёртывание научного рассуждения во времени и модальном пространстве. Категории времени и вида образуют сложное функционально-семантическое единство, известное как аспектуально-темпоральный комплекс, выбор форм внутри которого обусловлен жанром научного доклада и его композиционной структурой. Самым частотным в классическом академическом докладе является так называемое «настоящее вневременное» – форма настоящего времени глаголов несовершенного вида, которая обозначает действие, протекающее не в момент речи, а вне временной привязки, как постоянное свойство предмета или как общее положение. Именно в этой функции глаголы настоящего времени используются для формулировки законов, аксиом,

определений, описания постоянных отношений: «вода замерзает при нуле градусов», «корреляционный анализ позволяет выявить степень зависимости», «предлагаемый метод основывается на принципе суперпозиции». Видовое значение несовершенного вида в сочетании с «вневременной» темпоральной семантикой идеально соответствует требованиям научной речи к обобщённости и независимости высказывания от ситуационной ситуации. Прошедшее время глаголов, как совершенного, так и несовершенного вида, имеет в научном докладе несколько конкретных функций. Во-первых, это описание хода эксперимента или хронологии исследования: автор последовательно перечисляет выполненные им действия, как правило, используя глаголы совершенного вида для обозначения завершённых этапов («провели отбор, затем произвели измерение, после чего сравнили полученные результаты») и несовершенного вида для описания фоновых процессов («в ходе работы велось постоянное наблюдение»). Во-вторых, прошедшее время используется для ссылки на предшествующие исследования, где оно оформляет результат, полученный другим учёным, причём выбор вида здесь может нести важную смысловую нагрузку: указание на однократное действие или его результат (совершенный вид) противопоставлено описанию процесса, характерного для научной работы предшественника в целом (несовершенный вид). В вводной части доклада, посвящённой истории вопроса, также доминируют формы прошедшего времени. Будущее время в научных докладах встречается относительно редко, но, когда оно появляется, оно выполняет две основные функции. Первая – это «будущее в прошедшем», используемое в гипотетических построениях или в описании перспектив исследования: «дальнейшие изыскания позволят уточнить...». Вторая функция связана с изложением плана или структуры самого доклада, где будущее время выполняет метадискурсивную роль, организуя когнитивное пространство для

слушателя или читателя: «сначала мы рассмотрим, затем проанализируем, после чего перейдём к обсуждению».

Глаголы несовершенного вида в форме будущего времени (так называемое будущее сложное) используются при этом для обозначения длящихся или повторяющихся в будущем действий, а глаголы совершенного вида (будущее простое) – для однократных, результативных.

Категория наклонения теснейшим образом связана с категорией модальности, а через неё – с выражением характера отношения говорящего к действительности. Изъявительное наклонение, безусловно, доминирует в научной речи, поскольку именно оно является языковым средством констатации факта, утверждения существования или несуществования некоторого положения дел. Однако индикатив в научном докладе неоднороден: помимо утверждения реальных фактов, он может выражать так называемую гипотетическую реальность – суждение о возможном ходе событий, которое тем не менее подаётся автором как достоверное в рамках принятой теоретической модели. Это свойство индикатива, его, если можно так выразиться, «моделирующая» способность, позволяет учёному говорить о гипотетических объектах и процессах как о реально существующих. Сослагательное наклонение (и его форма, омонимичная форме прошедшего времени с частицей «бы»), напротив, прямо указывает на ирреальность, на неосуществлённость или гипотетичность действия. В научном докладе это наклонение используется для формулировки предположений, рекомендаций, пожеланий, а также для описания контрфактических ситуаций: «можно было бы предположить, что...», «следовало бы также учесть...». Сослагательное наклонение смягчает категоричность утверждения, превращая его в предположение или совет, что часто требуется в заключительной части доклада или в полемическом разделе. Повелительное наклонение (императив)

в научной речи практически не используется в своём прямом волеизъявительном значении, однако существуют его особые формы – императив совместного действия (обычно в форме 1-го лица множественного числа) и императив предположения или допущения. Формы типа «рассмотрим это положение», «сравним две группы данных», как и соответствующие им по семантике словосочетания с частицей «давайте» и инфинитивом, используются в научных докладах как риторический приём вовлечения аудитории в процесс совместного размышления, как средство создания иллюзии диалога. Это не приказ к действию, а приглашение к мысленному эксперименту, что полностью легитимно для научного дискурса.

Категория залога, выражающая отношения между субъектом и объектом действия или направленность действия на субъект, является мощным инструментом управления фокусом внимания в научном изложении. Действительный залог (актив) ставит в центр высказывания деятеля, активно производящего действие: «автор применяет метод», «экспериментатор наблюдает явление». Такая конструкция подчёркивает субъектный характер познания, связывая результат научной работы с конкретной личностью исследователя. Страдательный залог (пассив) переключает внимание с деятеля на само действие или на его объект/результат: «метод применяется автором», «явление наблюдается в эксперименте». Пассивные обороты особенно характерны для тех разделов научного доклада, где требуется представить результаты как объективные, независимые от личности исследователя, когда важен сам факт или закономерность, а не то, кем именно она была обнаружена. Широкое использование причастных форм (особенно страдательных причастий прошедшего времени на -нн-, -енн-, -т-) и кратких страдательных причастий является одной из отличительных морфологических примет научного стиля. Именно они позволяют строить безличные и неопределённо-личные предложения, где деятель либо отсутствует, либо намеренно не

называется: «было установлено», «получены данные», «рассмотрены факторы». В русском языке существует также возвратный (средневозвратный) залог, формально выраженный частицей -ся и обладающий широким спектром значений: от собственно возвратного («объект самоорганизуется») до общевозвратного («явление повторяется»), пассивно-качественного («стекло легко бьётся») и безличного («мне думается», «хочется отметить»). Все эти оттенки активно используются в научной речи. Возвратный залог позволяет описывать процессы, протекающие без участия явного деятеля, представляя их как внутреннее свойство самого объекта, что созвучно стремлению науки к объективности и самодостаточному существованию открываемых законов.

Категория лица глагола организует субъектно-предикативные отношения с точки зрения участников речевого акта. В пространстве научного доклада употребление личных форм глагола является одним из важнейших маркеров авторской стратегии, отражая то, какую позицию по отношению к излагаемому материалу занимает исследователь. Самая традиционная и распространённая стратегия – это использование безличных и неопределённо-личных конструкций, а также форм 3-го лица. Формы 3-го лица единственного и множественного числа указывают на некоторый субъект, не совпадающий с автором и адресатом речи: «анализ показывает», «исследователи отмечают». Если этот субъект не конкретизирован, создаётся эффект максимальной отстранённости и объективности, как если бы выводы делались сами собой, из природы вещей. Более современной, хотя и не бесспорной, является стратегия использования форм 1-го лица множественного числа (авторское «мы»). Это «мы» может быть разных типов. «Мы» скромности, которое позволяет автору избежать прямого указания на себя, смягчая категоричность суждения, или «мы» солидарности, которое включает в сферу субъекта действия и автора, и его читателей или слушателей, создавая тем самым ощущение совместного поиска истины. Эта форма особенно характерна для введения, где автор

намечает цели и задачи («мы ставим перед собой цель»), и для заключения («мы приходим к выводу»), где подводятся итоги. Использование формы 1-го лица единственного числа («я полагаю», «я утверждаю») в традиционном академическом дискурсе осуждается как излишне субъективное, однако в некоторых современных жанрах (научно-публицистическая статья, доклад на конференции с установкой на живое общение, некоторые области гуманитарного знания) оно может использоваться для подчёркивания авторской позиции, особенно в полемическом контексте. Во всех случаях сама возможность варьирования лицом глагола даёт исследователю тонкий инструмент для регулирования степени своего авторского присутствия в тексте, для управления дистанцией между собой, предметом речи и аудиторией. Это управление, как было показано нами, осуществляется через сознательный выбор форм грамматического лица, что напрямую влияет на прагматическое воздействие доклада и на его интерпретацию слушателями или читателями.

Категория переходности-непереходности, хотя и не является собственно словоизменительной во всех подходах (чаще она признаётся лексико-синтаксической), также имеет ярко выраженный морфологический аспект. Она связана со способностью глагола присоединять прямое дополнение и с его способностью образовывать формы страдательного залога. В научном докладе переходные глаголы служат основным средством выражения направленного действия, когда объект исследования (прямое дополнение) подвергается целенаправленному воздействию со стороны исследователя или некоторого фактора. Непереходные глаголы и соответствующие возвратные формы описывают состояние или процесс, замкнутый на самом субъекте. Выбор между переходной и непереходной конструкцией может быть не только грамматическим, но и смысловым: в научном тексте о психических процессах можно говорить о «наблюдении явления» (переходная конструкция, где

явление – прямой объект наблюдения) и о «явлении, которое наблюдается» (непереходная, возвратная конструкция, где явление приобретает некоторую самостоятельность, становится субъектом собственного проявления). Эта смысловая разница, формально выражаемая в морфологии глагола, является важным ресурсом для нюансировки научного описания.

Подводя итог проведённому анализу, следует констатировать, что функциональная нагрузка морфологических категорий в построении научного доклада чрезвычайно высока и многогранна. Морфологический строй русского языка предоставляет в распоряжение исследователя целый арсенал формальных средств, которые при умелом использовании позволяют не просто «упаковывать» готовую мысль в грамматически правильные формы, но и активно участвовать в самом процессе рождения и структурирования научного знания. Категории времени, вида, наклонения и залога организуют темпоральную, модальную и таксономическую рамку высказывания, задавая временной режим описания (от вневременного настоящего законов до конкретных фактов прошлого), степень достоверности (от категорического утверждения в индикативе до предположения в кондиционалисе) и точку зрения на действие (от субъектного актива до объективирующего пассива). Категории падежа, числа и рода имён конструируют предметный универсум науки, иерархизируя и классифицируя объекты, связывая их в отношения атрибуции, посессивности и локативности. Категории лица и числа (в глагольной сфере) регулируют меру личного присутствия автора и степень его диалогического взаимодействия с адресатом, создавая тонкую стилистическую гамму – от сухого, безличного констатирования фактов до живого, аргументированного обсуждения с элементами полемики. В конечном счёте, именно согласованное, порой даже незаметное для невооружённого глаза взаимодействие всех элементов морфологической системы обуславливает то самое ощущение объективности, строгости, логической

непротиворечивости и аргументативной убедительности, которое мы привыкли ассоциировать с идеальным образцом научного изложения. Понимание этих глубинных механизмов морфологической семантики, выходящих далеко за рамки простого нормативного «правильно – неправильно», необходимо всякому, кто стремится овладеть искусством научной коммуникации в полной мере, будь то автор доклада, заинтересованный в максимальной ясности и убедительности своих идей, или преподаватель, задачей которого является формирование у студентов навыков грамотной и стилистически уместной научной речи. Дальнейшее исследование этой проблематики, в частности с привлечением методов корпусной лингвистики и экспериментальных методик, позволит, по всей вероятности, выявить ещё более тонкие закономерности функционирования морфологических категорий в специфических условиях устной и письменной научной коммуникации, а также проследить динамику этих закономерностей под влиянием меняющихся коммуникативных практик.

Список использованной литературы

1. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л.: Наука, 1976.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1986.
3. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. – М.: Наука, 1967.
4. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1977.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
6. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М.: Высшая школа, 1968.